

— Ученик! Ученик!! Ученик!!

В телефоне старый даос продолжал кричать, и Цзян Яо, опираясь на стену, наконец слабым голосом ответил:

— Хватит кричать, я еще жив.

Услышав ответ, старый даос облегченно вздохнул и поспешно спросил:

— Как сейчас обстоят дела? Ты закончил магический поединок?

— Не знаю... можно ли считать это законченным.

Глядя на разруху перед собой, Цзян Яо неопределенно ответил:

— В общем... я больше не чувствую присутствия другого участника поединка, и на госпоже Чу больше нет вселяющегося духа скорби.

Он посмотрел на свое плечо. После того, как Чу Юньцю пронзила его, кость была видна, но, почему-то, кровь больше не текла, лишь прилипшая к коже рана выглядела устрашающе.

— Возьми телефон и покажи мне себя!

Цзян Яо с трудом поднял телефон, сел на пол и показал старику происходящее. Тот ахнул:

— Не может быть, ученик, ты действительно смог одолеть противника? Это не укладывается в голове!

Противник, без сомнения, был мастером магического поединка, и его ученик, даже будучи гением, вряд ли мог победить, разве что свести к ничьей.

Цзян Яо задумался, не слыша, что говорит старик, пока тот не позвал его несколько раз. Он лишь хмыкнул в ответ.

— А что случилось с вселяющимся духом скорби, который вышел из тела девушки?

Спросил старый даос.

— Он сбежал? Почему я его не вижу?

Противник, проигравший в магическом поединке, должен был освободить духа, но он не видел его.

Цзян Яо опустил глаза и слабо произнес:

— Я убил его.

Старый даос нахмурился. Убил? Он не слышал ни звука. Собираясь спросить еще раз, Цзян Яо повернул телефон, направив камеру на себя, и бледно сказал:

— Простите, учитель, я серьезно ранен, мне нужно повесить трубку, чтобы они открыли дверь и отвезли меня в больницу... Я должен закончить разговор.

Увидев пронзенное плечо, старый даос забыл о духе и закричал:

— Ты так тяжело ранен, а еще тратишь время на разговоры со мной! Ты что, жизни не дорожишь? Немедленно отправляйся в больницу!

Сказав это, он сам оборвал видеозвонок, боясь, что Цзян Яо ответит.

Справился...

Цзян Яо облегченно вздохнул, с трудом поднялся и направился к двери, открыв ее.

Перед тем как открыть дверь, он оглянулся на комнату. Кроме разрухи и лежащей на полу Чу Юньцю, он не видел никаких следов присутствия чего-либо еще.

Конечно, лишь на поверхности.

Он прекрасно понимал это.

...

...

Матушка Цзян никогда не думала, что когда-нибудь будет бояться из-за хорошей звукоизоляции комнаты. Она стояла за дверью, ничего не слыша, хотела войти, но боялась потревожить Цзян Яо, кусая кулак и беспокойно ходя туда-сюда.

Отец Цзян молча хмурился, а Цзян Хэн сжал губы.

Время шло, и матушка Цзян не выдержала, подошла к двери и хотела постучать, но отец Цзян остановил ее:

— Даос сказал, что мы не должны его беспокоить.

— Но прошло уже много времени, если с Сяо Яо что-то случилось...

Матушка Цзян, потерявшая и вновь обретшая сына, была чрезвычайно осторожна. Если бы с Цзян Яо что-то случилось, она бы никогда себе этого не простила.

Отец Цзян колебался, прожив много лет, он не знал, как справиться с такой ситуацией.

К счастью, в следующий момент они услышали звук открывающейся двери.

— Сяо Яо!

Матушка Цзян улыбнулась, подняв голову, но, увидев Цзян Яо, ее лицо исказилось от ужаса. Она поспешно поддержала его за левую руку, глядя на пронзенную правую, и слезы полились из ее глаз.

Началась суматоха, и Цзян Яо с Чу Юньцю отвезли в больницу.

Состояние Чу Юньцю было тяжелым, и за ней нужно было присматривать, поэтому Цзян Хэн отправился с ней. Руку Цзян Яо зашили и поместили в палату. На самом деле, он уже почти не чувствовал боли от раны, и, когда врач хотел дать ему анестезию, он отказался. Врач, глядя на рану, удивился:

— У вас довольно странная рана, такая большая, но почти не кровоточит.

Цзян Яо: «...»

Не зная, что ответить, он промолчал.

Матушка Цзян даже забыла, что сегодня ее день рождения, и сидела у его кровати, не отходя ни на шаг. Стоило Цзян Яо пошевелиться, как она тут же спрашивала, не больно ли ему. После нескольких таких эпизодов Цзян Яо смущенно сказал:

— Просто мне неудобно лежать, хочется пошевелиться.

Матушка Цзян улыбнулась, но тут же слезы снова полились из ее глаз, и она начала извиняться.

Цзян Яо поспешно сказал, что все в порядке, и вдруг вспомнил о своем рюкзаке. В суматохе он не знал, взяли ли его с собой. Оглядевшись, он увидел, что отец Цзян достал его рюкзак:

— Ты это искал?

Когда везли Цзян Яо, он увидел рюкзак наверху и взял его с собой.

Цзян Яо ахнул и кивнул:

— Да, спасибо.

Отец Цзян помолчал и ответил:

— Не за что.

Взяв рюкзак, Цзян Яо открыл его и достал коробку, протянув матушке Цзян. Он не знал, как начать, и, наконец, неуклюже сказал:

— Это... подарок на твой день рождения.

— С днем рождения...

Через некоторое время он добавил:

— Мама.

Матушка Цзян, только что перестав плакать, снова зарыдала. Она ждала этого слова так долго, с того дня, как забрала Цзян Яо, и часто видела этот момент во сне, но, просыпаясь, даже не решалась его потревожить.

Она взяла коробку из рук Цзян Яо, осторожно открыла и увидела внутри нефритовый кулон и сложенный желтый талисман.

— Нефритовый кулон и талисман дал мне учитель. Кулон успокаивает дух и согревает тело, а талисман защищает от бедствий.

Объяснил Цзян Яо.

Матушка Цзян смотрела на них некоторое время, затем закрыла коробку и крепко прижала к груди. Другой рукой она вытерла слезы и с невероятно мягкой улыбкой сказала:

— Спасибо, Сяо Яо, маме очень нравится.

В этот момент глубокая пропасть между матерью и сыном, казалось, немного уменьшилась.

...

Из-за потери крови Цзян Яо скоро почувствовал сонливость. Отец и матушка Цзян не стали его беспокоить и вышли, чтобы он мог спокойно поспать.

Во сне Цзян Яо увидел, как перед ним натянулась тонкая вуаль. Из-за нее доносился женский голос, напоминающий тихий свет воды под луной. Она пела нежную мелодию, а вокруг многие стояли с опущенными головами, словно неподвижные зомби. В руках женщины, казалось, сидел кто-то, слушая ее песню и раскачивая ногами в такт.

Раз, два, три.

Цзян Яо понял, что он видит.

Когда женщина закончила петь, он тут же отодвинул вуаль и посмотрел туда, где она была, но на стуле никого не было. Повернувшись, он увидел, как женщина висит в воздухе на белой ленте, ее лицо было бледным, без признаков жизни. На ней был красный наряд, а руки беспомощно свисали по бокам, кончики ног слегка качались в воздухе.

А ребенок, который был у нее на руках, казалось, вырос. Его белые одежды стелились по полу, он сидел на коленях, закрыв лицо руками, и плакал.

— Мама... мама...

— Мама!

Он повторял это снова и снова, но не получал ответа. В величественном пустом дворце слуги с бесстрастными лицами медленно окружили его.

Цзян Яо услышал его мольбу:

— Спаси меня, спаси!

Тогда Цзян Яо, преодолевая боль в плече, бросился вперед, оттолкнул слуг и протянул руку, чтобы схватить его.

В момент прикосновения ледяной холод пронзил его от кончиков пальцев до макушки. Он

резко поднял голову и увидел, что тот, кто был одет в белое, теперь был в красной фате и алом свадебном наряде. Злобный дух в свадебном наряде крепко схватил его руку, и бесчисленные проклятия и ци обиды вырвались из его тела, обвивая Цзян Яо!

...

— Кх-кх...

Цзян Яо открыл глаза, едва дыша. Как только он проснулся, ощущение удушья и боли в горле исчезло.

<http://bllate.org/book/15571/1386143>